

Моей семье: Тину и Саво

Спасибо вам обоим за то, что любите и поддерживаете меня всегда и во всем. Нет слов, которые могли бы описать, как много вы для меня значите.

Тин, моя опора, спасибо за последние 14 лет, что ты со мной и все так же любишь меня, несмотря ни на что. Я бесконечно благодарна судьбе за то, что ты у меня есть. Когда было трудно, ты всегда оставался рядом и наши отношения становились только крепче. Я люблю тебя всем сердцем и душой.

Саво, мой родной братик. Я полюбила тебя с первого взгляда. О лучшем брате я не могла и мечтать. Мне бы так хотелось вернуть годы, что нам пришлось провести в разлуке, но, пожалуйста, знай, что ты был в моем сердце каждую секунду. Спасибо за твое понимание, доброту, любовь, терпение и поддержку. Я так тобой горжусь.

Пролог

Июль 2000

Я НЕ ЗНАЮ, ГДЕ ПАПА. Я жду его в роскошном уимблдонском лаунже для игроков. Оглядываюсь по сторонам. Мы должны пойти на праздничный ужин с моими менеджерами Иваном и Джоном. Мне 17, и я только что сыграла полуфинал. На Уимблдоне.

Можно предположить, что он будет доволен тем, как далеко я прошла на самом Уимблдоне. Предположить-то можно. В конце матча, пожимая руку Линдсей, я видела, как отец вскочил с зеленого кресла, и его грузная фигура быстро покинула Центральный корт. Обычно после моих матчей он стоит где-нибудь неподалеку от зоны игроков, и мне нужно его найти. Но сегодня его нигде не видно и не слышно. После пресс-конференции я позвонила ему, но он не взял трубку.

Я только что показала свой лучший результат на «Шлеме», и мне хочется узнать, что он скажет, и еще нам нужно договориться с Джоном и Иваном про вечер. Так что я снова набираю его, и наконец он отвечает.

По его громкой неразборчивой речи я понимаю, что он пьян. Я знаю этот тон: тон белого вина, скорее всего, смешанного с виски.

Он зол. В ярости, что я проиграла. Его голос гремит у меня в трубке:

— Ты жалкая, безнадежная корова, домой можешь не приходиться. Мне стыдно за тебя. В гостинице не показывайся.

— Но пап, — говорю я тихо, пытаюсь его разжалобить.

— Сама ищи, где будешь спать, — орет он во все горло. — Оставайся на «Уимблдоне» и спи там. Или еще где. Мне все равно.

Он бросает трубку.

Я только что сыграла в полуфинале Уимблдона. Но в глазах моего отца я недостойна того, чтобы прийти домой.

У игроков вокруг меня своя жизнь: они болтают, обещают, совещаются с тренерами. Я же одна и разбита. Денег у меня нет — или, по крайней мере, доступа к ним. Кредитной карты нет. Все это у папы. Он контролирует всю мою жизнь.

Меня начинает накрывать. Я такая неудачница. Полная неудачница. Проходят минуты, потом часы. Я забиваюсь на маленький диван в углу лаунжа, надеюсь, что там меня никто не заметит. В конце концов я остаюсь одна.

Около одиннадцати приходит уборщица. Увидев меня, она подходит и говорит мягко:

— Тебе нельзя здесь оставаться.

— Мне некуда пойти, — откровенно говорю я ей, и тут же сама это осознаю. У меня в глазах встают слезы.

— Я должна сообщить начальству, — говорит она.

Приходит Алан Миллс, турнирный рефери.

— Что случилось? — спрашивает он ласково.

— Мне некуда пойти. Мне негде переночевать.

У меня по щекам текут горячие слезы, но я не объясняю, что меня бросил собственный отец. Как всегда, при-

Я только что сыграла
в полуфинале Уимблдона.
Но в глазах моего отца
я недостойна того, чтобы
прийти домой.

ходится его защищать. Но такое впечатление, что Алан и так все знает. Агентство Advantage, которое ведет мои дела, сняло чудесный дом в Уимблдоне; Алан звонит моим менеджерам, которые там живут, и они говорят, что я могу переночевать у них. Он вызывает мне турнирную машину, которая отвозит меня к ним.

Я приезжаю в слезах, и Иван с Джоном смотрят на меня озадаченно. Они говорят, что чуть раньше звонили отцу, чтобы договориться об ужине, но трубку взял мой девятилетний брат Саво. Джон говорит, что слышал на заднем плане голос отца. Но Саво сказал: «Папы нет».

От поведения отца мне одновременно невыносимо больно и стыдно.

Меня отводят в гостевую комнату. *Ну, по крайней мере, сегодня он меня не избил.*

Пытаясь уснуть, приходя в себя после шока и обиды, я начинаю понимать, что, наверное, никогда не смогу осчастливить своего отца. Что никогда не буду для него достаточно хороша.

1

Югославия, 1991–1994

МНЕ ВОСЕМЬ ЛЕТ, когда я впервые вижу труп.

Одним туманным утром у нас дома в хорватском Осиеке мы с отцом садимся в нашу маленькую деревянную лодку. Мы отчаливаем от берега реки Дравы — на рыбалку. И вдруг я вижу человека: его волосы спутаны, он покачивается на поверхности воды лицом вниз. Тело у него будто бы вздуто, руки синие.

— Папа, — говорю я, показывая на человека.

— Отвернись, — нервно отвечает он. Наша еженедельная рыбалка на этом заканчивается. Он разворачивает лодку и быстро гребет к берегу.

Назревает война, и этот труп — ее предвестник, хоть я и пойму это гораздо позже. После Второй мировой войны Хорватия вместе с Сербией, Словенией, Черногорией, Македонией и Боснией и Герцеговиной образовали федеративное государство Югославию. Столкновение стольких национальных самосознаний неизбежно должно было привести к войне. Хорватия, скажем, хотела стать независимой от Сербии, но Сербия не хотела давать Хорватии независимость.

В недели, предшествовавшие эпизоду с трупом, мы на себе ощущали, что на Балканах вот-вот снова разразится бойня. Наши соседи-хорваты открыто шли на конфликт с моим гордым отцом-сербом. «Убирайтесь отсюда или сдохнете», — говорили они. Нам домой звонили какие-то мужчины и угрожали выкинуть меня и моего младенца брата из окна нашей квартиры на 11-м этаже.

Страна раздроблена. Папа переживает. Мама напугана. А теперь еще этот труп. Напряжение нарастает.

Через несколько недель наша жизнь резко меняется. На улице 21 июня 1991-го жаркий летний вечер. Мой папа, невозмутимый водитель грузовика, возвращается домой поздно и очень встревоженным. Ему снова угрожали.

— Собирайте вещи. Утром вы уезжаете, — говорит он нам. Мы с мамой в шоке.

Отец остается в Осиеке. Думаю, он остается, чтобы еще попытаться отстоять свой жизненный уклад. Дома у него есть работа, а устроиться на новом месте будет сложнее. Он говорит, что мы уезжаем просто переждать опасность — на несколько недель. Пока ситуация в городе не успокоится.

Наутро мы прощаемся с папой и уезжаем. У нас с мамой по маленькой сумке, еще одна с вещами трехмесячного Саво и две мои драгоценные теннисные ракетки. Мы рассчитываем в скором времени вернуться. Мы забиваемся в маленькую машину впятером: дядя Павле, папин брат, нас везет, а рядом с ним спереди садится бабушка Ана — их с папой мама, сварливая старуха. Мой дедушка не хочет слушать доводы папы и Павле и отказывается ехать с нами.

«Пусть приходят убивают меня хоть сегодня, хоть завтра — я никуда не поеду», — говорит он.

Мы с мамой усаживаемся сзади. На коленях я держу своего неугомонного маленького брата. В машине сразу жарко и душно, в воздухе стоит едкий запах пота. Поначалу никто

ничего не говорит, все подавлены. Мне страшно. Пять часов наша машина петляет по живописной хорватской сельской местности. Периодически мама перекидывается короткими беспокойными репликами с дядей и бабушкой.

Мы едем в город Сомбор на севере Сербии. Мы беженцы, то есть убегаем от войны в поисках безопасного места. В Сомборе безопаснее. Когда мы туда приезжаем, все кажется таким странным. Потом я понимаю, что Сомбор очень похож на наш город: историческая архитектура и улицы, вдоль которых высажены деревья. Но это сходство меня не успокаивает. Я боюсь того, что ждет нас впереди. Я еще не осознала, что вот так за одну ночь мы собрались и уехали из дома. Я не успела попрощаться ни со школьными друзьями, ни с учителями, ни даже с дедушкой. Я уже скучаю по дому и хочу поскорее вернуться в Осиек.

Беженцы из Хорватии останавливаются в семьях. Нас приютили радушные сербы, которые пустили нас в свой маленький уютный дом, пока мы не встанем на ноги. Они живут на окраине города и соглашаются взять нас к себе на несколько недель, пока мы не найдем себе жилье. Они кормят нас и окружают добротой и заботой.

В первую неделю наша главная забота — Саво. У него врожденный вывих бедра, и ему требуется специальная шина, фиксирующая кости в правильном положении, а для этого его нужно каждую неделю показывать врачу. Дорога в город и обратно занимает у нас с мамой три часа. Ближе врача нет. Автобусов тоже нет. Мы с мамой по очереди несем моего милого братишку, у нас обеих отваливаются руки, а мимо с угрожающим грохотом проносятся грузовики. Если идет дождь, дорогу размывает, она становится грязной и скользкой, так что приходится быть еще осторожнее.

В течение нескольких недель мы вот так ходим к врачу раз в три дня. Это очень тяжело, мы вымотаны. Но потом

папа сообщает нам радостную новость: его друг живет в городе гораздо ближе к доктору, и мы можем остановиться у него.

Это место, где мы можем остановиться, оказывается сараем — обветшалой постройкой по соседству с домом, от которой несет пылью, крысами и тоской.

На следующий день после нашего приезда туда дядя и бабушка собирают вещи.

— Мы возвращаемся в Осиек, — холодно объявляет бабушка.

Мне видно, что мама зла, но старается этого не показывать.

Не в силах скрыть свое огорчение и беспокойство, я говорю им:

— Но вы не можете нас бросить, мы одни не справимся.

Они все равно уезжают. Я чувствую себя преданной и обиженной.

Началась война, и мы стали беженцами в полном смысле этого слова — сербское правительство присвоило нам этот статус. Через несколько недель я иду в местную начальную школу, хотя еще не теряю надежды на возвращение в Осиек. Когда проходят месяцы, я начинаю понимать, что в ближайшем будущем этого не произойдет. Мои друзья по нашему многоквартирному дому, среди которых я была заводилой, друзья из теннисной секции, тренеры, учителя — никого из них я больше не увижу.

Теперь я живу в сарае.

У нас есть вода, электричество, старая двуспальная кровать и люлька для Саво. Одежду мы стираем руками. Есть маленькая ванная. Компанию нам составляют грызуны: по ночам по полу бегают мыши, пока крысы прячутся по углам. Плиты нет, но раз в несколько дней хозяева разрешают нам воспользоваться своей. Мама печет хлеб —

обычно вечером на утро. Она накрывает его полотенцем и ставит на полку повыше в теплом углу комнаты, подальше от вредителей. Такой, по крайней мере, расчет. На деле же по углам из хлеба часто торчат крысы, и мне приходится помогать ей все делать заново.

Но хотя бы у нас над головами есть крыша, а под ней — вода и даже тепло: два маленьких обогревателя в основной комнате работают на всю катушку, чтобы мы не мерзли. Вскоре я перестаю тосковать по своей прежней жизни. Теперь мне не до этого — нужно просто выжить в новой.

Я люблю папу, но в его отсутствие я не скучаю по хаосу и напряжению, которое он часто создает дома. Я не скучаю по его негативной энергии. По стрессу, который мы с мамой постоянно из-за него испытываем. Пока его нет, мы с мамой можем спокойно смеяться и свободно выражать свои эмоции. Нам не нужно ходить на цыпочках. Можно не переживать, что он наорет на маму, если ему не понравится обед. Посуда и приборы остаются на столе — когда его нет, никто их не швыряет. А ведь его выводит из себя не только еда — он может сорваться из-за самой безобидной мелочи. Так что в Сомборе нам хотя бы не нужно жить в страхе перед отцом. Но зато мы боимся за него.

Раз в неделю родители говорят по телефону в основном доме. Это короткие разговоры, но мама после них всегда мрачнеет. Боль на ее лице говорит громче любых слов: в Осиеке идет война, там умирают люди.

Мама еще не нашла работу — она сидит с Саво. Когда я не в школе, им занимаюсь я, чтобы она могла отдохнуть. Саво великолепен. Я помогаю купать его в маленькой раковине нашей кухоньки. Я кормлю его и пеленаю. Я укладываю его спать — хожу кругами с ним на руках по нашему тесному жилищу. Ночами я встаю к нему, чтобы мама могла поспать. Я чувствую к нему необыкновенную

любовь и привязанность. Когда он родился, и мы забирали их с мамой из роддома, я взяла и сама несла Саво, никому не давая к нему прикоснуться. С самого его рождения я чувствовала себя его защитницей.

Очень здорово, что врач Саво теперь находится поблизости. Лечение его бедра нам всем дается большим трудом. Дважды в день ему нужно надевать специальную кожаную шину, в которой ему очень некомфортно, — он всегда при этом плачет, вертится, изгибается. Он ненавидит эту штуку, начинает реветь, как только видит ее. Поэтому моя задача — отвлечь Саво, пока мама пытается засунуть его в эту несчастную шину. Я пою и размахиваю перед ним разными вещами — например, картинкой с Минни Маус, которую я вырезала из журнала. Почему-то Минни всегда его успокаивает.

Тем временем папа по-прежнему живет в нашей квартире в Осиеке — держит оборону, зарабатывает как может и посылает деньги нам. Зарабатывать нормально все сложнее: обстановка в Югославии накаляется, и доход становится нестабильным. У нас начинаются настоящие финансовые трудности. Нам хватает только на еду — мы едим хлеб с маргарином, но все равно к концу некоторых недель у нас нет ни гроша.

К счастью, я родилась с талантом, который может вытащить нас из этого ада.

* * *

Когда мне было шесть, я открыла для себя занятие, приносящее мне невероятное удовольствие и удовлетворение. Тогда я еще воспринимала теннис не как спорт, а просто как игру, смысл которой — прицелиться и направить маленький желтый мяч в человека по ту сторону сетки. Одна-

ко тогда же я впервые испытала со стороны отца давление и, что гораздо хуже, боль.

До тех пор папа никогда не повышал на меня голос. У меня никогда не было серьезных неприятностей. Пока в моей жизни не появился теннис, я росла счастливым беззаботным ребенком. Но в тот день, когда я начала играть, это изменилось: вместе с теннисом я узнала побои и насилие.

Мой папа может сорваться в любую минуту. Один из первых эпизодов произошел после моего очередного занятия с тренером. Тренировка была сравнительно легкой. Тренер шутит со мной и смеется сам, я тоже хихикаю. Я работаю на всю катушку — по-другому я просто не умею. Но сегодня это еще и весело.

Когда я выхожу с корта, на лице моего отца резкое недобрение. По пути домой он говорит мне, что я его подвела. «Теннис — это не развлечение», — добавляет он и в наказание отправляет меня на пробежку по парку. Пятнадцать минут я бегаю, а потом мы садимся на трамвай и в тишине едем домой. Пока мы в лифте поднимаемся в квартиру, он начинает ругать меня на чем свет стоит. Ругань перерастает в крик. Он разносит меня за все, что я неправильно делала на тренировке, кричит, что я безнаджна.

Его ярость достигает апогея, когда мы заходим в квартиру. Мама на работе, так что мы с ним вдвоем. Он вопит все громче, и вот мне уже кажется, что стены дрожат от его криков. Потом он дает мне пощечину. Его огромная правая ладонь бьет по щеке шестилетнего ребенка — один раз, второй, третий. Мой шок даже сильнее, чем боль от удара. Он никогда ничего такого не делал. Отец никогда меня не бил. У меня по лицу бегут горячие слезы. Я не понимаю, что происходит. Да, я видела, как он в ярости переворачивал обеденный стол, кричал на маму и кидал об стену тарелки с едой. Но он никогда не бил меня.

— Иди делай уроки, — гремит он.

Я киваю и послушно ухожу, не в силах сдерживать слезы. Папа уходит из квартиры, громко хлопая входной дверью.

Трясущейся рукой я снимаю телефонную трубку и звоню маме на работу. Я так сильно плачу, что едва могу говорить.

— Он меня ударил, мама, — с трудом выговариваю я сквозь слезы.

Вдруг дверь распахивается — он вернулся. Он подлетает ко мне, выхватывает трубку и бросает ее. Я сжимаюсь в ожидании очередного удара, но его не следует. Вместо этого он ругает меня за звонок маме и выгоняет.

Когда мама приходит с работы, она не призывает его к ответу, не заступает за меня. После этого моя жизнь уже никогда не будет прежней.

И тут ко мне пришло ужасающе ясное понимание: я боюсь своего отца.

Впрочем, оно дарит мне то, благодаря чему я буду блистать на корте: страх. Страх перед ним будет заставлять меня вкалывать, чтобы стать лучше. Быть посредственной теннисисткой — не вариант: последствия, которыми это чревато, слишком ужасны.

С того дня теннис постоянно становится поводом для вспышек его ярости. Я знаю, что, если в чем-то окажусь недостаточно хороша, если не покажу должного усердия, если не выполню важный удар, он меня изобьет. Это может произойти где угодно. Однажды это происходит во дворе нашего дома, где я стучу мячом по стене. Он, как обычно, стоит рядом и напряженно наблюдает за мной, и вот когда я ошибаюсь, он снимает ботинок и бьет меня им. Бьет по голове, а потом еще в спину.

Конечно, мне обидно и больно, я несчастна. Но я быстро учусь сразу брать себя в руки и начинать заново. Чтобы стать лучше. Я не хочу огорчать отца.

Именно благодаря моему бойцовскому духу и теннисным успехам мы с мамой и Саво летом 1992 года переезжаем из сомборского сарая с крысами в нормальный дом. Он, конечно, старый и заброшенный, но все-таки дом.

Наш переезд в Сомбор не помешал моему теннисному прогрессу. Он не стал даже заминкой в моем игровом развитии. Как только мы там устроились, мы с мамой нашли по соседству корты, и я стала сначала заниматься там, а потом и выступать на турнирах в окрестных городах. Вскоре обо мне узнают и начинают говорить о моем роскошном таланте. Теннисные чиновники из Сомбора видят мой потенциал и связываются с Федерацией тенниса Сербии, а те обращаются в местное правительство, и вот нас уже переселяют в отдельный дом. То, что мы беженцы, а Саво еще совсем маленький, сыграло нам на руку.

Наш новый дом заметно выигрывает в сравнении с сараем, где мы провели несколько месяцев. Он очень потертый, но зато там есть ковер и отопление, так что зимой после ванной мы не мерзнем. И он просторный — там столько места по сравнению с сараем. Дом даже больше нашей квартиры в Осиеке — в нем две спальни. Целых две! Это особенно кстати, потому что отец тоже бежал от войны, и мы снова живем все вместе.

Через несколько недель после нашего переезда из Осиека к нам приезжают и бабушка Ана с дядей Павле, потому что там все совсем чудовищно. Я скрываю свое раздражение, думая про себя: *«Когда мы жили в ужасной крысиной дыре, вы бросили нас, мать с маленькой дочерью и младенцем на руках»*. Я с ними почти не разговариваю — у меня свои дела: теннис и школа.

В сомборской школе я популярна: я общительная, приветливая, со всеми болтаю. Я легко завожу друзей, так что у меня их много. Да и учусь я хорошо почти по всем предметам, включая географию. Разве что творческие предметы даются мне не очень — я больше люблю точные науки. Еще я люблю, когда все чисто и аккуратно. Доходит до того, что конспекты, написанные в классе, я вечерами дома переписываю начисто в другую тетрадь. Я стремлюсь к совершенству и одержима порядком: карандаши у меня всегда заточены, каждая вещь на своем месте. Я люблю школу, и у меня там все получается, как это было и в Осиеке.

Мама начинает на полставки работать в маленьком местном супермаркете, а папа следит за братом и мной. Дома у нас атмосфера совсем не душевная. Родители никогда не обнимаются и не берутся за руки. Отец моментально злится, если хоть что-то сделано не так, как хочет он. Еда приготовлена не так? Кто-то хлопнул дверью? Он сразу взрывается. Мы с мамой реагируем на это молча и послушно. Вокруг него мы ходим на цыпочках, вертимся как белки в колесе, чтобы только его ублажить. Мама готовит так, чтобы ему понравилось, я на корте делаю все, чтобы он был доволен. Возвращаясь из школы домой, я всегда очень жду маму с работы. Когда я не на корте, я стараюсь лишний раз не попадаться папе на глаза: делаю уроки или играю с братом, которого все так же обожаю.

Иногда я чувствую себя виноватой за то, что сторонюсь отца. За мысли о том, как мирно и дружно мы могли бы жить с мамой и Саво без него. Когда его нет, мама уделяет нам больше внимания, она становится добрее, помогает мне с домашним заданием; мы вместе готовим. Но когда отец дома, она сразу замолкает и отстраняется. Такое впечатление, что при нем ей нельзя демонстриро-